

Л.Л.Клочковский

Латинская Америка: к новым рубежам экономического и социального прогресса

Проблемы формирования концепции развития

Выработка современной концепции развития Латино-Карибской Америки, четкое позиционирование региона в системе мирового хозяйства является одной из ключевых задач, стоящих перед исследователями. В статье раскрываются основные характеристики, определяющие положение данной группы стран как слабого звена мировой экономики. По итогам истекшего десятилетия эти характеристики усугубились. Возникшая в новейший период хозяйственная рецессия осложняет обстановку, требует объективного осознания экономических и социальных реалий. Такой подход необходим и для выработки взвешенной долгосрочной стратегии России в этом важном регионе современного мира.

Ключевые слова: дифференциация, слабые темпы роста, инновационное развитие, внешнеэкономическая зависимость.

Латино-Карибская Америка (ЛКА) переживает сложный этап хозяйственной и социальной эволюции. Возникшие трудности ставят в тупик многих исследователей и аналитиков. В юбилейном докладе, посвященном 55-й годовщине создания ИЛА РАН (май 2016 г.), в частности, констатировалось: «Страны региона вновь стоят перед вызовами неопределенности после того, как они в своем большинстве, казалось, в первом десятилетии века обрели адекватную формулу развития»¹. В самом деле, возникают неизбежные вопросы: как быть с еще недавно сделанными выводами о динамизме и кризисоустойчивости региона, превращении внутренних движущих сил в основной мотор экономического прогресса, прорыве латиноамериканских стран в постиндустриальную фазу развития? Как рассматривать «концепцию восходящих стран-гигантов», которая и до сих пор нередко служит определяющим ориентиром при подготовке исследований? Авторы указанной концепции и упомянутых выводов о них сейчас открыто не вспоминают, заменив их тезисами о «новой нормальности» для Латинской

Лев Львович Клочковский — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (lklochkovski@mail.ru).

Америки, сформировавшейся в регионе, «зрелой экономике», образовании «весомого и многогранного накопленного потенциала, который создает, казалось бы, вполне удовлетворительные условия для нового старта»².

Перед российскими латиноамериканистами ныне стоят ответственные и весьма непростые задачи: вскрыть специфику современного положения региона и оценить реальные пути его дальнейшей эволюции. Сделать это можно лишь на базе двух ключевых предпосылок: во-первых, объективного и взвешенного анализа итогов развития латиноамериканских стран за первые полтора десятилетия XXI в. и, во-вторых, на основе этого анализа скорректировать сформулированные ранее оценки и выстроить концепцию, отвечающую объективным реалиям и дающую возможность определения перспектив развития региона. Цель данной статьи — рассмотреть некоторые аспекты данной темы и внести посильный вклад в решение стоящих задач.

СДВИГИ В РАССТАНОВКЕ ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ СИЛ И ПРОЦЕССЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЮГА

XXI в. ознаменовался возникновением и развитием комплекса важных экономических и международно-политических процессов и явлений. Среди них несомненно главным был процесс усиления неравномерности развития отдельных стран. Эта тенденция обозначилась уже во второй половине XX в., когда наблюдалось повышение темпов роста группы развивающихся государств как результат распада мировой колониальной системы и заметно возрос хозяйственный динамизм Китая в связи с его переходом в середине 70-х годов к новой экономической модели. Важно, однако, отметить, что неравномерность развития в этот период в существенной степени нивелировалась сохранением динамизма экономики центров капитализма. В начале нового века этот процесс проявился особенно рельефно. Международные аналитики квалифицировали его как тектонический сдвиг, изменивший экономическую и политическую картину мира. Его суть трактовалась как фундаментальное изменение в соотношении сил между Севером (США, страны Евросоюза и Япония) и Югом (развивающиеся государства и страны переходной экономики) в пользу последнего. Так, эксперты Всемирного банка следующим образом характеризовали это явление: «Возвышение Юга, т.е. рост экономического влияния развивающихся стран, изменило глобальный хозяйственный ландшафт. Сдвиги глубоки и скорее всего необратимы. Они отражают не только растущую экономическую мощь Юга в связи с более высокими темпами роста по сравнению с Севером, но и структурные сдвиги. Юг стал мотором глобального экономического развития, причем он играет по сравнению с Севером качественно отличную роль»³.

Следует признать, что в новейший период темпы экономического роста группы Юг заметно превышали аналогичные показатели группы Север, в связи с чем роль первой в мировом производстве повысилась. Однако корректная оценка реальной расстановки основных мировых сил требует учета не только этих чисто количественных показателей, но и качественных факторов, которые серьезно меняют общую картину. Ключевое значение в группе Юг имеет процесс дифференциации. Его суть состоит в образова-

нии авангарда, включающего в себя Китай и ряд стран Южной и Юго-Восточной Азии, который уходит вперед и все больше отрывается от основного ядра, составляющего группу Юг. Без КНР хозяйственные успехи Юга выглядят весьма скромно. По оценкам экспертов экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭК-ЛАК) за двадцатилетие (1993—2014 гг.) доля развивающихся стран и государств переходной экономики (без КНР) в мировом ВВП возросла всего на 4% (с 37% до 41%)⁴. По подсчетам специалистов Всемирного банка на эти страны в мировом производстве приходилось в 2008—2012 гг. в среднем 31%⁵.

Вполне очевидна необходимость сугубо дифференцированной оценки мировых позиций Китая и группы Юг. Попытка агрегированного подхода к данной группе, представление КНР как ее составной части и более того — ее лидера и руководителя — чреваты завышением реальной значимости этой группы и неизбежной ошибочностью выводов.

Прежде всего речь идет о существенной противоположности экономических интересов Китая и многих развивающихся стран. За последние четверть века Китай превратился в крупнейшего потребителя и импортера сырья, энергоносителей и продовольственных товаров. По имеющимся оценкам, на долю КНР в 2013 г. приходилось в мировом потреблении угля — 47%, нефти — 11%, цинка — 43%, алюминия — 49%, меди — 46%, сои — 30%, свинины — 50%⁶. Экономические интересы КНР как покупателя и развивающихся стран как поставщиков стали на этих рынках полярно противоположны: в то время как первый заинтересован в получении максимально дешевой продукции, последние, напротив, стремятся к поддержанию высоких цен на экспортируемые ими сырьевые и продовольственные товары. По признанию экспертов возможности Китая воздействовать на уровень мировых цен на многих товарных рынках заметно возросли, и китайские импортеры использовали их как для манипулирования ценами так и для получения ощутимых скидок от поставщиков.

Сложный комплекс противоречий связан и с китайским экспортом. В качестве поставщика широкой номенклатуры потребительской продукции (от текстиля, обуви и готовой одежды до бытовой электроники) Китай является главным конкурентом развивающихся стран. Эта конкуренция нанесла им серьезный ущерб на рынках США и Западной Европы. В новейший период в условиях обострения кризисных трудностей объектом усиливающейся экспортной экспансии КНР становятся национальные рынки развивающихся государств, что представляет прямую угрозу для их отечественной промышленности. В частности, специальное исследование, посвященное анализу торгово-экономических отношений Китая со странами Латинской Америки, показало значительный масштаб потерь, понесенных латиноамериканским регионом из-за китайской конкуренции на рынке США. Обобщающий вывод экспертов сводился к следующему: «Китай расширил свое присутствие на рынке США по всем группам товаров в то время как страны Латинской Америки потеряли свои позиции во многих его секторах. Конкретно на рынках текстиля и готовой одежды доля КНР возросла с 22% в 2000 г. до 48% в 2010 г., тогда как аналогичные показатели латиноамериканского региона снизились с 23,1% до 11,7%⁷. Одновременно резко усилилась китайская конкуренция и на национальных рынках ЛКА. Доля китайского экспорта в видимом потреблении текстиля и гото-

вой одежды в Чили за 2000—2011гг. возросла с 23 до 65%, в Колумбии с 3 до 19%, в Уругвае с 8 до 20%⁸.

Важно и другое. Китай позиционирует себя как посредника в отношениях Юга и Севера и защитника интересов развивающихся государств и стран переходной экономики. Однако основой стратегии КНР во взаимодействии со странами, образующими группу Юг, является известная концепция «центр-периферия», где роль центра отводится Китаю, а функции периферии выполняют партнеры. Эта объективная реальность все более четко осознается многими членами группы Юг и вызывает у них неприятие. Эксперты ЭКЛАК в последнее время довольно жёстко фиксируют это противоречие, отмечая: «Хотя Китай считает себя развивающейся страной и требует, чтобы его рассматривали как таковую на международных форумах, в своих отношениях с другими развивающимися странами он действует в соответствии с установками концепции «центр-периферия». Необходимо скорректировать условия этих отношений с тем, чтобы обеспечить новую модель развития, соответствующую «повестке дня 2030 с ориентацией на устойчивый рост».

Наконец, анализируя позиции Китая в рамках группы Юг, нельзя не учитывать обозначившейся в последнее время тенденции укрепления общности экономических и международно-политических интересов КНР с центрами капитализма. Эта тенденция реализуется в форме дальнейшего расширения финансового и торгово-экономического взаимодействия с США, странами ЕС, Японией, все более активного участия ведущих западных корпораций в развитии китайской экономики. Показателен прогноз возможного усиления китайско-американского сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе, сделанный экспертами ИМЭМО РАН и Атлантического совета. В их совместном докладе «Глобальная система на переломе: на пути к новой нормальности» говорится: «Пекин столкнется с выбором: либо присоединиться к структурам, инициированным США (например, к ТТП), либо опираться на соглашения о свободной торговле, инициированные Китаем, в которые Вашингтон не приглашается. Хотя первый вариант влечет за собой риски, связанные с необходимостью подчиняться американским правилам, он все же представляется более вероятным в связи с растущей вовлеченностью Китая в глобальные политические и экономические процессы»⁹. Шаги, предпринятые в последнее время новым президентом США Дональдом Трампом, могут осложнить американско-китайские отношения, однако тенденция расширения общности интересов Китая и группы Север скорее всего сохранится.

Таким образом, представление международными экспертами Юга как целостной группы,двигающейся к преобладанию в мировой экономике и политике, не соответствует объективной реальности. Значительные коррективы, видимо, необходимо внести и в подходы к оценке современного положения группы Север и перспектив ее развития. Эти оценки ориентируют на снижение роли Севера в мировом производстве и утрату им лидирующего положения в мировой глобальной системе. Так, по имеющимся расчетам российских аналитиков в связи с замедленными темпами роста (на период до 2035 г. они могут находиться на среднегодовом уровне 2,3%–2,6%) доля развитых стран в мировом ВВП в 2035 г. упадет до 32%¹⁰. По оценкам Всемирного банка на Север в мировом производстве придется в

2025 г. — 45%. Национальный совет США по разведке прогнозирует падение этого показателя для группы Север в 2030 г. до 30%¹¹.

В свете этих оценок возникает законный вопрос о реальной сути происходящих изменений. Можно ли ожидать фундаментального ослабления мировых позиций центров капитализма? Следует ли исходить из выдвигаемого международными экспертами положения об утрате группой Юг статуса периферийности? Вполне очевидно, что для ответа на эти вопросы необходим учет не только чисто количественных подвижек, но и важных качественных изменений. Последние определяют сегодня и характер развития, и прочность мировых экономических позиций группы Север.

Наиболее важным преимуществом центров капитализма является их доминирование в системе крупного капитала. В США, Западной Европе и Японии сосредоточены ведущие транснациональные корпорации. По данным «Fortune Global 500» на долю США приходится свыше четверти крупнейших компаний (128), стран Евросоюза — около одной трети, Японии — 10%. Обращает на себя внимание интенсивный рост китайских компаний. Их присутствие в списке 500 глобальных ТНК расширилось с 29 в 2008 г. до 98 в 2015 г.¹² Что касается развивающихся стран, то они прогрессируют в этой области медленно, и их роль остается маргинальной (суммарно на их долю приходится не более 10% ведущих организаций (Индия находится на 15 месте, Бразилия на 16 месте). Преобладание в сфере крупного капитала обеспечивает центрам возможности воздействия на ключевые мировые экономические процессы (прежде всего на процессы глобализации мировой экономики) и использование их преимущественно в собственных интересах.

Не менее важным качественным фактором, определяющим мировые экономические позиции Севера, является лидерство в сфере научно-технического прогресса. В XXI в. промышленно-развитые страны совершили в рамках продолжающейся научно-технической революции масштабный рывок вперед, который сопровождался повышением наукоемкости экономики, появлением новых технологий, что привело к важным качественным сдвигам. Главным из них стала резкая интенсификация инновационного развития. Среди стран Юга обращают на себя внимание активные усилия Китая, нацеленные на форсирование научно-технического роста. Они осуществляются в рамках госпрограмм, рассчитанных на то, чтобы к столетию образования КНР (2049 г.) вывести Китай в число наиболее развитых стран мира по уровню науки и техники. О масштабах этих усилий говорит осуществляемая в настоящее время пятилетняя программа поддержки семи стратегических наукоемких подотраслей на сумму 1,5 трлн долл.¹³ В свою очередь развивающиеся государства также стремятся приобщиться к научно-экономическому прогрессу (это выражается, в частности, в повышении доли расходов на НИОКР в ВВП). Но характер их экономического развития принципиально отличается от эволюции центров: они выступают преимущественно как потребители, а не как производители наукоемкой продукции. В целом в силу огромной разницы в объемах расходуемых финансовых ресурсов происходит дальнейшее углубление научно-технического отставания основного ядра стран Юга от центров капитализма. Исключение составляют немногие страны (Индия, так называемые азиатские тигры первой и второй волны).

Ключевой опорой мировых экономических позиций группы Север является также доминирование в системе международных финансовых отношений. Роль этой системы в мировой экономике резко увеличилась. В течение последних 25 лет (особенно после 2000 г.) она росла скачкообразно. Финансовые активы за период 1990—2014 гг. повысились почти в 10 раз (с 31 трлн долл. до 294 трлн долл.), а операции с деривативами поднялись с 10 трлн долл. до 692 трлн долл.¹⁴ В целом объем финансового рынка в 14 раз превысил уровень мирового ВВП. Он оказывает решающее воздействие на развитие основных мирохозяйственных процессов. Показательно, что недавний мировой экономический кризис 2008—2009 гг. возник на базе потрясений, произошедших именно на мировом финансовом рынке. И в основе трудностей, переживаемых мировым хозяйством на современном этапе, лежат прежде всего сбои в системе международных финансовых отношений. Центры капитализма прочно лидируют на мировом финансовом рынке, опираясь на господство доллара и евро в валютных расчетах и на преобладающую роль таких финансовых центров как Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт и Токио. Более того, есть основание говорить об усилении влияния ведущих банковских монополий на важные сектора мировой экономики. В частности, обращает на себя внимание растущая активность крупнейших американских банков «Goldman Sachs», «Y.P.Morgan», «Morgan Stanly» в сфере спекулятивной торговли сырьевыми товарами. Продолжающиеся процессы концентрации и централизации капитала в финансово-банковской отрасли (примером может служить недавнее образование в США международного консорциума R3, объединяющего 43 крупнейшие банковские организации) и интенсивное использование передовых финансовых технологий расширяют сферу их воздействия на мировое хозяйство¹⁵.

В целом сдвиги в расстановке основных мировых сил представляют собой сложный и неоднозначный процесс. Укрепление мировых позиций Юга происходит главным образом за счет возвышения Китая и требует весьма дифференцированной оценки положения отдельных групп стран, ибо в их числе существуют так называемые слабые звенья. Именно таким звеном является Латино-Карибская Америка.

СЛАБОЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Проблема замедленного хозяйственного развития и экономического отставания — не новое явление в социально-экономической эволюции стран Латино-Карибской Америки. Как отмечалось в уже цитировавшемся исследовании, подготовленном экспертами Всемирного банка, «уже более ста лет средний душевой доход в Латинской Америке не достигает и 30% от уровня США. Иными словами, регион оказывается не в состоянии сузить углубляющийся разрыв с северным соседом»¹⁶. Это связано со спецификой социально-политической и хозяйственной ситуации: огромное неравенство доходов; высочайший уровень концентрации собственности; монополизация ключевых секторов экономики; недостаточно развитые производительные силы; структурные диспропорции; низкий уровень демократизации политической жизни и т.д. Все это сильно тормозит социально-политический и экономический прогресс региона.

В послевоенный период обозначилась тенденция отставания Латино-Карибской Америки и от других регионов развивающегося мира. Средний темп роста ВВП за период 1960—2014 гг. составил в латиноамериканских странах 3,8% в то время как для государств Юго-Восточной Азии (без КНР) он был равен 5,5%, Южной Азии — 4,9%, Ближнего Востока и Северной Африки — 3,9%. Еще более четко эта тенденция прослеживается при сопоставлении душевого дохода.

ДИНАМИКА ВВП В РАСЧЕТЕ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ (в %) ¹⁷

	Годы				
	1961—1970	1971—1980	1981—1989	1990—2000	2001—2014
Латинская Америка и Карибы	3,3	4,4	-0,3	1,3	1,8
Бразилия	3,3	5,9	-0,3	1,0	2,1
Мексика	3,6	3,7	-0,3	1,8	0,7
Юго-Восточная Азия	2,4	4,6	5,8	7,0	7,8
Южная Азия	2,0	0,7	3,1	3,2	5,2
Центральная Азия	—	—	2,3	-0,5	3,9
Ближний Восток и Северная Африка	5,0	3,9	0,1	1,5	1,7
Африка южнее Сахары	2,4	0,9	-1,3	-0,7	2,1
Развитые страны (ОЭСР)	4,2	2,6	2,6	2,0	1,0

Показательно, что даже в период оптимальной внешнеэкономической конъюнктуры (2003—2007 гг.) регион не смог вернуться к темпам роста, достигнутым в 60—70-е годы. Они составляли лишь 2,7% и далеко отставали от соответствующих показателей других развивающихся регионов. У Юго-Восточной Азии темпы роста душевого дохода в эти годы были равны 9,2%, Южной Азии — 6,5%, Центральной Азии — 7,0% ¹⁸.

Аналогичные явления прослеживаются и в промышленности, где уже длительный период идет активный процесс деиндустриализации. Доля ведущих стран региона в мировом промышленном производстве заметно снизилась (для Бразилии за последние три десятилетия это падение составило почти 40%, для Мексики — 17%, для Аргентины — более 30%). Как констатировал видный российский специалист Виктор Александрович Красильщиков, «в Латинской Америке деиндустриализация в целом носит негативный, разрушительный характер и угрожает скатыванием всего континента на обочину мирового развития» ¹⁹.

Отставание Латинской Америки по темпам общехозяйственного роста и в промышленном развитии во многом определялось тенденциями, сформировавшимися в инвестиционной сфере. Для региона характерен низкий уровень накоплений. Он колеблется в пределах 20% ВВП. Это, соответственно, ограничивает динамику инвестиционной квоты. За последние 25 лет она несколько выросла с 16,7% в начале 90-х годов до 21,9% в 2013 г. Однако этот рост не закрыл существенного отставания латиноамериканских стран по уровню инвестиций. Так, инвестиционная квота стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана в этот период колебалась в пределах 26,5-30,2%, государств Южной Азии 21,8-23,3%, стран Центральной Азии 23,7-26,7%²⁰. Существенно отстает регион и по объему государственных инвестиций. В 2007—2014 гг. они находились на уровне 5,6% ВВП (в Азии, в частности, они превышали 8%), что не обеспечивало решения многих актуальных хозяйственных задач (например, реконструкцию инфраструктуры, на развитие которой по оценкам ЭКЛАК необходимо ежегодно направлять госинвестиции в размере 6,2% ВВП при фактических расходах на уровне 2,2% ВВП).

В условиях нехватки внутренних накоплений компенсирующую роль играют внешние финансовые ресурсы (прежде всего прямые иностранные инвестиции). Значение последних в инвестиционном процессе довольно велико (их доля достигает в отдельные годы 15-20%). Но оборотной стороной участия иностранного капитала в инвестиционной сфере является ряд негативных моментов. Высокая концентрация прямых иностранных инвестиций (на долю шести стран — Бразилия, Мексика, Аргентина, Чили, Колумбия, Перу — приходится 95% капиталовложений) сужает возможности использования внешних ресурсов для многих стран региона. К тому же мелкий и средний бизнес фактически лишен доступа к этому источнику финансирования. Не меньшее значение имеет и фактор непредсказуемости поведения иностранных инвесторов. Как правило они чрезвычайно остро реагируют на любые изменения рыночной конъюнктуры, ограничивая или прекращая инвестиции. Все это повышает и без того значительную неустойчивость инвестиционной и производственной сферы. Как отмечают эксперты ЭКЛАК, эта неустойчивость проявляет себя в странах Латино-Карибской Америки значительно сильнее, чем в других регионах. По имеющимся оценкам периоды роста экономики в Юго-Восточной Азии составляют восемь лет, в промышленно развитых странах — шесть лет, а в Латинской Америке — три с половиной года. Соответственно рост темпов производства у латиноамериканских государств достигает 26,3%, а у стран Юго-Восточной Азии — 39%²¹.

Характеристику ЛКА как слабого звена мирохозяйственной системы в немалой степени определяет его отставание в сфере инновационного развития. Эта область декларируется официальными кругами ряда латиноамериканских государств как важный национальный приоритет. В новейший период расходы региона на НИР выросли в 2,5 раза (с 20,1 млрд долл. в 2001 г. до 51,8 млрд долл. в 2013 г.)²². Во многих странах созданы специализированные государственные организации, ориентированные на поддержку инновационного прогресса, приняты правительственные программы расширенного финансирования этой сферы. Некоторые исследователи квалифицируют современную ситуацию как прорыв Латинской Америки в фазу постиндустриального развития. Однако объективный анализ показывает, что главной составляющей инновационной проблемы региона являет-

ся его прогрессирующее отставание. Прежде всего речь идет о возрастающем разрыве в уровне материальных возможностей. Если в 2001 г. США и Канада израсходовали на НИОКР 298,3 млрд долл. и разрыв с Латинской Америкой составлял 278,2 млрд долл., то в 2013 их затраты возросли до 427 млрд долл., а отрыв от латиноамериканских стран увеличился до 375,2 млрд долл. Аналогичные тенденции выявляются и при сопоставлении с государствами Азии. Отставание региона от азиатских стран увеличилось соответственно с 175,6 млрд долл. до 571,1 млрд долл.²³ В результате по общим итогам научно-технического и технологического развития латиноамериканские страны неуклонно отстают. Концентрированным выражением этого процесса является низкий динамизм производительности труда. На протяжении последних 25 лет средний темп роста производительности труда в регионе составлял примерно 0,7% (в 1990—1995 гг. — 0,8%, в 1996—2000 гг. — 0,9%, в 2010—2015 гг. — 0,7%). Эти показатели значительно ниже темпов роста производительности труда в азиатских странах (без Индии и Китая примерно 3% в год) и значительно уступают динамике центров (1,5-2,0% в год)²⁴. Свидетельством отставания в инновационной сфере являются и низкий уровень наукоемкости выпускаемой продукции, и ряд других показателей. Они суммируются так называемым индексом сложности экономик, разработанным специалистами гарвардской школы. За последние 20 лет в мировом рейтинге сложности экономики Бразилия переместилась с 30 на 54-е место, Мексика — с 24 на 30-е, Аргентина — с 56 на 64-е, Венесуэла — с 58 на 105-е, Перу — с 77 на 92-е место.

Не менее важна и качественная сторона инновационного процесса. Его ключевая особенность состоит в том, что он носит в основном имитационный (так называемый ассоциативный) характер. Страны Латинской Америки выступают главным образом в качестве потребителей, а не производителей инновационной продукции. Прямым следствием этого является прогрессирующая технологическая зависимость, которая становится фактором, во многом определяющим и экономическую эволюцию региона, и его мирохозяйственные позиции*.

Тенденции, характеризующие положение стран Латинской Америки как слабого звена мирохозяйственной системы, особенно четко обозначились во второй половине текущего десятилетия. Рецессия, наметившаяся в начале этого периода, переросла в абсолютный спад производства. В 2015 г. снижение ВВП в регионе составило 0,5%, в 2016 г. оно продолжилось и достигло 1,1%. Падение душевого дохода превысило 2%²⁵. Спад захватил прежде всего ведущие страны региона Бразилию и Венесуэлу, а также Аргентину, Эквадор и некоторые карибские государства. Мексика и Центральная Америка, тесно связанные с экономикой США, избежали сокращения производства, но рецессионные процессы (падение темпов роста, снижение экспорта, потребительского спроса) проявились и в этих странах. Существенные изменения произошли в инвестиционной сфере. В 2014—2016 гг. норма накоплений в регионе упала до минимального уровня 16%, инвестиционная квота сократилась в 2016 г. до 19,5%²⁶. В

* Более подробно рассмотрение проблематики инновационного отставания дано автором в статье «Латинская Америка: проблемы модернизации экономики». — Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 12, с. 47—55.

целом экономические трудности проявились в ЛКА острее, чем в ведущих регионах развивающегося мира.

Оценка современной ситуации и перспектив развития латиноамериканских стран представляет собой предмет острых дискуссий. Некоторые аналитики рассматривают нынешние хозяйственные трудности как результат кратковременных колебаний мировой рыночной конъюнктуры и ожидают по аналогии с преодолением кризиса 2008—2009 гг. довольно быстрого выхода региона на траекторию экономического роста. Так, по расчетам ИМЭМО РАН Бразилия (в наибольшей степени пострадавшая от кризиса) будет иметь в 2014—2020 гг. средний темп роста ВВП равный 2,5% с последующим увеличением до 3,2% в 2021—2030 гг. и до 3,5% в 2031—2035 гг.²⁷. Эксперты Межамериканского банка развития оценивают средний темп роста ВВП региона в 2014—2020 гг. на уровне 1,7%²⁸. Представляется, однако, что хозяйственная обстановка в регионе значительно более сложная. Преодоление рецессионных явлений может занять весьма продолжительное время (в итоге второе десятилетие окажется потерянным для экономического развития Латинской Америки), а на среднесрочную перспективу темпы роста будут существенно уступать показателям, достигнутым на предыдущем этапе (в 2003—2013 гг. они составляли 4% в год, в 90-е годы — 2,9%). Замедление хозяйственной динамики — прямое следствие фундаментальных изменений, произошедших в латиноамериканской экономике в период внешнеэкономического бума первого десятилетия.

УХУДШЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ И НОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Итоги экономической и социально-политической эволюции стран Латинской Америки в новейший период являются объектом весьма различных оценок. Многие зарубежные и российские аналитики рассматривают истекшее десятилетие исключительно или преимущественно под углом зрения успехов, достигнутых в сфере экономического и социального развития. Речь идет, в частности, о повышении темпов хозяйственного роста, кризисоустойчивости экономики, снижении внешней задолженности, ослаблении инфляционных процессов, росте среднего класса, уменьшении бедности. Указанные достижения связываются с эффективным использованием высокой внешнеэкономической конъюнктуры и активной социально-ориентированной внутренней хозяйственной политикой. Однако реальные итоги первого десятилетия текущего века для Латинской Америки были весьма противоречивыми, и формулируемые явно односторонние выводы не отражают сложности и неоднозначности ситуации. Фактически основой многих позитивных хозяйственных и социальных перемен (равно как и некоторых важных политических процессов, в частности, «левого поворота») стали кратковременная высокая конъюнктура мировых рынков сырья, топлива и продовольствия и резкий рост доходов латиноамериканских экспортеров. Указанные перемены не имели прочной национальной базы. Они являлись производными сугубо временных процессов, которые формировались в обстановке стихийного и во многом произвольного перераспределения мировых финансовых ресурсов в пользу поставщиков сырья.

Главными итогами первого десятилетия для стран Латинской Америки (как и для многих других развивающихся государств и стран переходной экономики) стали существенное возрастание роли внешнеэкономических факторов в экономике и усиление внешнеэкономической зависимости на ряде ключевых направлений. Это предопределило возникновение комплекса неблагоприятных тенденций: **во-первых**, усиление сырьевой направленности экономики, в первую очередь промышленности. По имеющимся расчетам продукция региона с преимущественным использованием природных ресурсов составила в 2013 г. 72% промышленного производства (в стоимостном выражении) по сравнению с 42% в 2000 г.²⁹ **Во-вторых**, увеличение сырьевой составляющей экспорта. Доля сырья и продовольствия в экспорте ведущих стран региона Бразилии, Аргентины, Чили, Перу, Колумбии заметно увеличилась. **В-третьих**, повышение роли внешнего финансирования (инвестиционная квота внешнего притока капитала достигла почти 6% ВВП и превысила инвестиционную квоту государства). Это означало существенный рост внешней зависимости инвестиционной сферы. **В-четвертых**, усиление общей неустойчивости в экономике региона, что особенно рельефно проявляется в современных условиях преобладающей депрессии.

Одним из главных противоречий кризисной обстановки, сложившейся в середине текущего десятилетия, является противоречие между возросшей внешнеэкономической зависимостью ЛКА и сужающимися возможностями роста международной торговли и мирового финансового рынка. Это связано с существенными изменениями мирохозяйственной обстановки. Их ключевыми элементами являются: снижение в последние годы темпов роста мирового производства (до 2,5% в 2015 г.); утрата международной торговлей роли ведущей движущей силы мирохозяйственного прогресса (ее темпы роста упали в 2015 г. до 2,6%, а коэффициент эластичности по отношению к производственной сфере понизился вдвое — с 2,02 в 90-е годы до 1,0 в 2010—2015 гг.); ослабление инвестиционной активности (темпы роста мировых капиталовложений снизились до уровня менее 3%)³⁰. Подобное положение может сохраниться до конца текущего десятилетия, а не исключено и на среднесрочную перспективу с учетом длительной рецессии, охватившей страны Евросоюза, предстоящего выхода Великобритании из состава ЕС (Brexit), а также вероятного торможения хозяйственного роста Китая.

Изменившаяся мирохозяйственная динамика серьезно отразилась на состоянии внешнеэкономических связей региона. Эта сфера стала эпицентром кризисных явлений, проявившихся в экономике многих стран. Сокращение стоимостных объемов экспорта продолжается в течение четырех лет (2013—2016 гг.) и суммарно составит порядка 25%. Отдельные государства понесли значительно большие потери. Так, в Венесуэле только по итогам 2015 г. падение экспорта достигло 50%, в Колумбии и Боливии — 30%, Эквадоре — 28%. В основе всех этих явлений лежал обвал мировых цен. Индекс экспортных цен, рассчитываемый ЭКЛАС для региона, показал падение цен в 2015—2016 гг. на энергоносители на 42% и 20%, на металлы и минералы на 23% и 9% и на сельскохозяйственную продукцию на 16% и 5%³¹. Несмотря на напряженную ценовую ситуацию латиноамериканские государства продолжали наращивать физические объемы экспор-

та. В 2015 г. их увеличение составило 3%, в 2016 г. предполагаемые темпы роста также оценивались в 3% (в том числе продовольствие 8% и металлы и минералы — 1%)³². В условиях падающего спроса такая тактика (ее придерживаются и другие поставщики) ведет к обострению конкурентной борьбы и еще больше дестабилизирует рынки.

Серьезный ущерб понесла и сфера внешнего финансирования. Эта область существенно расширилась особенно в посткризисный период. В 2009—2014 гг. приток внешних ресурсов в Латинскую Америку вырос в 3,5 раза — с 100 млрд долл. до 360 млрд долл. Объем кредитных ресурсов увеличился в 7 раз (с 20 млрд долл. до 140 млрд долл.). Однако в условиях обострившихся хозяйственных трудностей четко проявилась неустойчивость основных составляющих внешнего финансирования. В 2015 г. поступление кредитных ресурсов снизилось до 80 млрд долл. (более чем на 40%), и этот процесс продолжился в 2016 г. Приток прямых иностранных инвестиций уменьшился в 2015 г. на 9%, и эксперты ЭКЛАК прогнозируют его дальнейшее сокращение на 8% по итогам 2016 г. Приток спекулятивного капитала упал на 45%. Понижительную тенденцию показала и такая статья, как переводы мигрантов³³.

В целом кризисная ситуация, сложившаяся в регионе в середине текущего десятилетия, вскрыла слабость внешнеэкономических позиций Латинской Америки, ее усилившуюся по итогам первого десятилетия внешнеэкономическую неустойчивость. Эти объективные условия диктуют необходимость осознания новых реалий. Во-первых, бесперспективность преимущественной ориентации на сырьевые отрасли и необходимость сделать упор на насущные потребности диверсификации экономики и экспорта. Во-вторых, существуют опасность усиления внешнефинансовой зависимости; очевидны неизбежность наращивания усилий по мобилизации внутренних источников финансирования и переориентация на более эффективное и бережное использование имеющихся средств, включая меры, нацеленные как на выравнивание неравенства доходов, так и на корректировку социально ориентированной экономической политики. В-третьих, крайне важно выработать четкий внешнеэкономический курс, отвечающий национальным интересам. В-четвертых, необходимо добиться ясного понимания того, что противодействие нынешнему ухудшению внешнеэкономических условий развития и негативным тенденциям во внешнеэкономической стратегии мировых центров силы можно обеспечить лишь на основе коллективных усилий и координации действий всех стран региона.

Решение этих проблем, несомненно, является чрезвычайно сложной задачей. Серьезные препятствия создаются высокотурбулентной внутренней хозяйственной и социально-политической обстановкой. Она сужает возможности маневрирования, повышает политические риски и вынуждает даже радикально настроенные национальные патриотические круги ограничивать свою активность, искать компромиссы, отказываться от решительных действий. Не меньшую сложность представляют и внешние условия. Латинская Америка является во многом расколотым континентом. Стратегическая линия США, сформировавшаяся после того, как не оправдались надежды, связанные с образованием Общеамериканской зоны свободной торговли, привела к разделению региона. Мексика, большинство стран Центральной Америки и Карибы подтянуты в ближайший резерв

США и включены в систему торгово-инвестиционного взаимодействия с американской экономикой. На этой основе в регионе существенно усилился процесс дифференциации, который, в частности, особенно четко проявился в новейший период (и Мексика, и Центральная Америка и Карибы избежали рецессии, охватившей Южную Америку). Все это, естественно, затрудняет выработку общих подходов и координацию действий стран региона, столь необходимых в современных условиях усиливающегося противостояния Севера и Юга, центров и периферии, требующих преодоления разобщенности и консолидации усилий всей Латинской Америки.

ЕСТЬ ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

Постепенное осознание реального места Латинской Америки как слабого звена мирохозяйственной системы и понимание насущной необходимости нейтрализации тенденций, определяющих это положение региона, — одна из знаковых примет современности. Эта линия прокладывает себе дорогу в рамках выработки так называемого трансформационного курса, который формируется в сложных условиях острой внутренней борьбы вокруг выбора тактических задач и стратегических целей, смены политических режимов, неясности международно-политической обстановки, ощутимых колебаний в подходах мировых центров силы к решению как общих мирохозяйственных проблем, так и конкретных вопросов взаимодействия с латиноамериканскими странами.

Как констатировала исполнительный секретарь ЭКЛАК Алисия Барсена, «Латинской Америке и Карибам предстоит двигаться по пути производственной трансформации в неблагоприятной международной, региональной и внутренней обстановке. Пониженные темпы мирового развития и угроза нового международного финансового кризиса могут подорвать это движение в условиях, когда региональная интеграция слаба, налоговые возможности ограничены, и во многих странах снизился престиж политических и правительственных институтов»³⁴. В качестве ключевых ориентиров современного трансформационного периода эксперты ЭКЛАК выдвигают две ключевые задачи: продолжение социально ориентированного экономического курса с целью выравнивания доходов и обеспечение устойчивого развития на базе активной охраны окружающей среды. Признавая несомненную важность указанных ориентиров, представляется, однако, что они не отражают всю сложность реального положения и вряд ли в состоянии служить основой преодоления существующих трудностей. Современной стратегии необходимо придать комплексный характер, но важнейшими составляющими внутренних усилий, видимо, должны стать интенсификация инвестиционной сферы и система стимулирующих мер, обеспечивающих этот процесс. Без осуществления мощного рывка в этой сфере (в том числе в форме привлечения масштабных зарубежных инвестиций и кредитных ресурсов на приемлемых условиях) невозможно создать реальную базу для решения поставленных социально-экономических задач.

В то же время приоритетное значение (в том числе и для оживления инвестиционной сферы) имеет формирование новой внешнеэкономической стратегии. Система внешнеэкономических связей, переживающая кризисную депрессию, продолжает оставаться ключевым фактором, определяю-

щим хозяйственную обстановку в регионе. Поэтому усилия по стабилизации и качественной перестройке этой системы являются одним из главных (если не решающих) звеньев экономического курса.

Центральной задачей новой внешнеэкономической стратегии является приспособление к так называемой новой нормальности замедленного развития мировой экономики и мирохозяйственных связей, вялой конъюнктуре мировых рынков сырья и топлива. Эта стратегия предполагает прежде всего отказ от прежней пассивной позиции во взаимодействии с ведущими партнерами и переход к активным акциям, нацеленным на защиту национальных интересов. В корректировке прежде всего нуждается система хозяйственного сотрудничества с КНР. Принципиальные подходы Пекина к развитию экономических отношений со странами Латинской Америки анализировались автором в ряде публикаций*. Анализ показал, что латиноамериканская стратегия КНР и ее хозяйственная практика имели в своей основе уже упоминавшуюся концепцию «центр — периферия» и определялись исключительно или преимущественно китайскими интересами. Масштабное расширение Китаем закупок латиноамериканского сырья, топлива и продовольствия и создание комплекса финансово-экономических привязок усугубили положение ЛКА как сырьевой периферии. Стремительное развертывание экспортной экспансии КНР, как уже отмечалось выше, нанесло немалый ущерб латиноамериканским производителям промышленной продукции на их национальных рынках и за их пределами.

Доминирование китайских интересов проявилось и в новейший период в форме резкого свертывания китайского импорта. В 2014—2016 гг. он снизился почти на 25%. Одновременно заметно возрос дефицит региона в торговле с Китаем. При этом ответственность за эти негативные явления китайская сторона (как, впрочем, и некоторые международные эксперты) возлагает на латиноамериканские страны, связывая данные явления с общеэкономической отсталостью региона, сырьевой специализацией его экономики, низкой конкурентоспособностью, недостаточными маркетинговыми усилиями латиноамериканских партнеров. Однако реально в основе этих неблагоприятных для стран ЛКА изменений лежит прежде всего сокращение импортных потребностей Китая в латиноамериканском сырье в силу перестройки китайской модели развития.

В конфигурации хозяйственных отношений с ЛКА Китай переносит центр тяжести в сферу инвестиционно-кредитного сотрудничества. Эта линия четко обозначилась во время визита Си Цзиньпина в ноябре 2016 г. в Перу, Чили и Эквадор, в ходе которого была выдвинута программа реализации 39 инвестиционных проектов. С Бразилией в октябре 2016 г. КНР подписала меморандум об образовании 20-миллиардного инвестиционного фонда.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что общие перспективы хозяйственного взаимодействия с Китаем выглядят неопределенно. Провозглашенная в 2015 г. программа удвоения взаимного товарооборота (до 500 млрд долл.) вряд ли будет осуществлена. Весьма проблемной представляется

* Л.Л.Ключковский. Современные тенденции мирохозяйственного развития и Латинская Америка. М., 2014, с. 209; его же. Латинская Америка и мировые центры силы. — Латинская Америка, 2016, № 8; его же. Новые тенденции мирохозяйственного развития и Латинская Америка. — Мировая экономика и международные отношения, 2016, № 4.

возможность расширения латиноамериканского экспорта (и сырья, и тем более готовой продукции). В то же время возрастает угроза китайской конкуренции на латиноамериканских рынках. Активизация инвестиционно-кредитной деятельности китайского капитала неизбежно приведет к дальнейшему развертыванию экспортной экспансии.

В целом можно ожидать, что Латинская Америка сохранит в мировой стратегии Китая существенное место. Пекин заинтересован в удержании и расширении позиций, завоеванных в регионе. Это создает определенные возможности для укрепления переговорного потенциала латиноамериканских стран и достижения необходимых компромиссов по перестройке взаимодействия. В то же время в экспертном сообществе и в официальных кругах ЛКА постепенно начинает преобладать все более реалистичный подход к отношениям с Китаем, возникает тенденция оценивать итоги этого сотрудничества сквозь призму национальных интересов.

Сложный комплекс проблем существует и в отношениях с США. Они во многом связаны со снижением роли региона на шкале стратегических приоритетов Вашингтона, что определялось такими явлениями, как уже упоминавшийся провал проекта образования Общеамериканской зоны свободной торговли, недавний «левый поворот» в ряде стран Южной Америки, резкое расширение экономического и политического присутствия Китая во многих латиноамериканских государствах. Указанная тенденция еще больше усугубилась в силу фундаментальной эволюции внешнеэкономической стратегии США, чьим главным ориентиром стал курс на осуществление проектов мегаинтеграции. Этот вопрос рассматривался многими российскими и зарубежными исследователями, в том числе и на страницах нашего журнала*. В контексте анализируемых проблем необходимо обратить внимание на следующее. Мегаинтеграция нацелена на решение триединой задачи: во-первых, обеспечить консолидацию мировых позиций центров капитализма; во-вторых, укрепить лидерство США; в-третьих, усилить противодействие растущему мировому экономическому и политическому влиянию Китая, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основой для достижения этой триады должна стать фундаментальная перестройка всей системы международных экономических отношений, которую США стремятся трансформировать на базе принципов и норм, отвечающих их важным экономическим интересам. Заключенное в 2016 г. Транстихоокеанское соглашение о партнерстве (ТТП) и обсуждаемый проект Трансатлантического соглашения о партнерстве в сфере торговли и инвестиций охватывают ключевые зоны международного хозяйственного сотрудничества (в том числе такие важные для США сферы, как охрана интеллектуальной собственности, электронная торговля, гармонизация стандартов и правил конкуренции) и несут с собой серьезные изменения не только торгово-политических режимов, но и других регулирующих механизмов, которые выходят далеко за рамки норм, действующих в ВТО.

* А.А.Лавут. «Атлантический треугольник: утопия или реальная перспектив?». — Латинская Америка, 2015, № 7; В.М.Тайар. «Трансатлантическое партнерство и Латинская Америка: возможности и риски». — Латинская Америка, 2016, № 9.

Разумеется, пока проекты мегаинтеграции не являются свершившимся фактом. В свете решений, принятых новоизбранным президентом США Д.Трампом, снята с повестки дня ратификация ТПП американским конгрессом, и под вопросом находится судьба трансатлантического соглашения. Однако курс на осуществление мегаинтеграции, скорее всего, (в той или иной форме) будет продолжен, ибо этого требуют стратегические интересы США (и геополитические — сдерживание Китая, и хозяйственные — упрочение американского лидерства).

В этой связи следует констатировать, что развивающиеся государства весьма настороженно относятся к процессу мегаинтеграции. В своем большинстве они не участвуют в нем и испытывают по данному поводу существенные опасения. Вероятным следствием данного процесса может стать дальнейшая маргинализация наиболее слабых звеньев Юга в мирохозяйственной системе.

Для стран Латинской Америки, заинтересованных в расширении хозяйственного взаимодействия с США, мегаинтеграция, несомненно, является осложняющим элементом. Государства региона оказались практически исключены из ТПП (участниками соглашения стали лишь Мексика, Перу и Чили). По имеющимся оценкам уже в первый год после вступления в силу ТПП регион столкнулся бы с сокращением экспорта в США (наибольшие потери понесла бы Бразилия — 28% от общего падения, Колумбия — 14% и Венесуэла — 14%)³⁵. Важно при этом иметь в виду, что мегаинтеграция представляет собой угрозу не только для южноамериканских стран, но и способна негативно затронуть интересы так называемых привилегированных латиноамериканских партнеров США. Формулируя основные цели, которые Соединенные Штаты ставили перед ТПП, эксперты ЭКЛАК выделяют «актуализацию норм, действующих в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA)». Суть этой трансформации состоит в том, чтобы использовать новые механизмы регулирования электронной торговли, охраны интеллектуальной собственности, торговли услугами и инвестиций для укрепления лидерства (читай доминирования) США³⁶. В этом плане следует рассматривать и предложения Трампа по пересмотру условий торгово-экономического взаимодействия с Мексикой в рамках NAFTA. Эти предложения свидетельствуют об ужесточении американского давления и об ограничении льгот, предоставленных мексиканскому партнеру.

Таким образом, страны Латинской Америки стоят перед серьезными вызовами. Адаптация к современным сложным внутренним и внешнеэкономическим условиям требует новых подходов. Первый этап на этом пути — осознание своего положения как слабого звена мирохозяйственной системы и избавление от необоснованных иллюзий превращения в мировые центры силы, равно как и оставление надежд на бескорыстную поддержку некоторых сильных внешнеэкономических партнеров — Латинская Америка проходит уже сегодня. Впереди этап поиска реальных возможностей преодоления хозяйственного отставания и других факторов, предопределяющих слабость мирохозяйственных позиций. Последовательное решение этих задач отвечает коренным интересам и чаяниям жителей государств Латино-Карибской Америки.

¹ В.М.Д а в ы д о в. Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра. Императивы национального, регионального и глобального порядка. Латинская Америка, 2016 №6, с.7; [V.Davidov. Povestka razvitiya latinoamerikanskikh stran na segodnia i zavtra. Imperativi nazionalnogo, regionalnogo i globalnogo poriadka] [Timetable for the development of latinoamerican countries for today and tomorrow. National, regional and global imperatives.] Latinskaya Amerika 2016 № 6, p.7.

² Ibid., p. 9; В.М.Д а в ы д о в. Сопряжение глобальной и региональной проблематики в детерминации экономического развития Латино-Карибской Америки. Материалы доклада на собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. ИЛА РАН 27.09.2016 [V.Davidov. Sopriazhenie globalnoi i regionalnoi problematiki v determinazii ekonomicheskogo razvitiya Latino-Karibskoi Ameriki. Materiali doklada na sobranui Otdelenia globalnich problem i mezhdunarodnykh otnosheniy] [The entailment of global and regional problems in determination of Latin America-Caribbean economic development. Report materials for the meeting of section for global problems and international relations Russian Academy of Sciences]. ILA, 27.09.2016.

³ World Bank Group 2015. Latin America and the rising South: Changing World, Changing Priorities. Augusto de la Torre, T.Didier, A.Ize, D.Lederman, S.L.Schmukler, p. 1.

⁴ CEPAL Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. Santiago de Chile, 2016, p. 39.

⁵ World Bank Group 2015. Latin America and the rising South, p. 43.

⁶ CEPAL. Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible, p. 40.

⁷ OCDE/CEPAL/CAF Perspectivas economicas de America Latina 2016. Hacia una nueva asociacion con China. OECD Publishing. Paris, 2015, p.107, 108.

⁸ Ibid., p. 106.

⁹ Мировая экономика и международные отношения, 2016 № 8, с. 18 [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya] [World economy and international relations]. Moscow, 2016, N 8, p. 18.

¹⁰ Ibid., p. 13.

¹¹ World Bank Group 2015 Latin America and the Rising South. Op. cit. p. 3.

¹² Fortune Global 500.

¹³ Более подробно см.: Н.И в а н о в а. Инновационная политика: теория и практика. — МЭ и МО 2016 № 1 [N.Ivanova "Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika] [Innovation policy: theory and practice]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2016, N 1.

¹⁴ CEPAL Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible, p. 17, 29.

¹⁵ Более подробно см.: Эксперт 17-23 октября 2016. Революция экономических технологий, с. 38-41; [Expert, 17-23. X 2016. Revoluziya ekonomicheskikh tekhnologii] [Economic technologies revolution]. Moscow, Expert, 17-23.X.2016, p. 38-41.

¹⁶ World Bank Group 2015. Latin America and the Rising South. Op. cit. p. XI.

¹⁷ CEPAL Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. Op. cit. p. 88.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Мировая экономика и международные отношения. Op. cit., p. 37.

²⁰ CEPAL Estudio Económico de América Latina y el Caribe, 2015, p.74;

²¹ Ibid., p. 80—81.

²² RICIT. El Estado de la ciencia 2012. Buenos Aires, 2012, p. 14. UNESCO Science Report Towards 2030. Paris, 2015, p.26.

²³ Ibidem.

²⁴ CEPAL Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. Op. cit. p. 71.

²⁵ CEPAL Estudio Económico de América Latina y el Caribe, 2016, p. 5. World Bank Group. Global Economic Prospects, June 2016, p. 129.

²⁶ IDB Time to Act Latin America and the Caribbean Facing Strong Challenges 2016, p. 8.

²⁷ Мировая экономика и международные отношения. Op. cit., p. 13.

²⁸ IDB Time to Act... Op. cit., p. 1.

²⁹ América Latina: reformas estructurales ante un cambio de ciclo económico. Madrid, 2015,

p. 17.

³⁰ CEPAL. Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. Op. cit., p. 68, 75.

³¹ CEPAL Estudio Económico de América Latina y el Caribe. Op. cit., 2016, p. 35, 38.

³² Ibid., p. 39.

³³ Ibid., p. 44, 45, 47, 159.

³⁴ CEPAL. Horizontes 2030. La igualdad en el centro del desarrollo sostenible. Op. cit. p. 12.

³⁵ CEPAL 2016. Panorama de la Inserción Internacional de América Latina y el Caribe. La región frente a las tensiones de la globalización. Santiago de Chile, 2016, p. 155.

³⁶ Ibid., p. 166.

Lev L.Klochkovski (lklochkovski@mail.ru)

Doctor of Economics, professor, leading researcher of the Institute of Latin America of RAS

Latin America: to the new frontiers of economic and social progress. Problems of the development concept elaboration

Abstract. One of the most discussed modern economic problems is the real changes in the correlation of forces between the North (United States, EU and Japan) and the South (developing and post-socialist countries). The correct understanding of these changes needs to take into account the process of deep differentiation in the South (rapid economic progress of China and some other Asian countries and the lag behind of a number “weak chains”).

Latin America belongs to these weak chains. The author analyses main features that determinate the position of the region as a weak point of the world economy. The region’s economic evolution in the first decade of the current century aggravated these features. The understanding of economic realities and the liberation from ungrounded illusions are a key path to the elaboration of effective social-economic strategy.

Key words: differentiation processes, rates of economic growth, innovation development, external economic dependence.